
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ*

ГЛАВА 10. ТИП ОТЧУЖДЕНИЯ БЛАГ И ЛИЧНОСТИ. ФОРМАЦИОННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

§ 1. Понятие типа отчуждения благ и личности. § 2. Тип отчуждения в формационном цикле. § 3. Понятие формационных противоречий. § 4. Доэкономический тип отчуждения: начальные этапы. Предварительные сведения о первой формации. § 5. Доэкономический тип отчуждения: общая характеристика. § 6. Внеэкономический тип отчуждения. § 7. Полуэкономический тип отчуждения. § 8. Экономический тип отчуждения (становление).

§ 5. Доэкономический тип отчуждения: общая характеристика

5.1. Общая схема развития доэкономического типа отчуждения

Объяснение названия понятия «доэкономический тип отчуждения» и его характеристики будут даны несколько позже. Сначала рассмотрим схему его развития в целом.

1-й этап – преодоление остающихся еще биологических способов регулирования общественной жизни и формирование первичной системы собственно социальных отношений. Однако в каждом коллективе социальность еще нераз-

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 1–6; 1998. № 1–6; 1999. № 1, 2, 3, 5; 2000. № 1–4. 2001. № 1.

вита и однобока, ее формы во многом зависят от личных качеств отдельных лидеров. Контакты между обществами нерегулярны и мало связаны с распределительными отношениями. Поэтому развитие разных коллективов идет очень неравномерно.

Пищи достаточно много, и ее обычно хватает всем. Однако четких правил раздела продукции еще нет, они во многом определяются индивидуальными особенностями членов коллектива, некоторые преимущества имеют более умные, властные, сильные.

2-й этап. Расширение отношений с другими коллективами. Формы контактов еще незрелые и неустойчивые, но они уже теснее связаны с распределительными отношениями, в частности возникает обмен между общинами¹. В результате происходит некоторое выравнивание уровня развития за счет подтягивания отстающих коллективов к передовым. В целом можно говорить о формировании системы **незрелого** доэкономического типа отчуждения.

3-й этап. Развиваются разнообразные, в том числе брачные, контакты между коллективами. Развитие орудий труда приводит к увеличению роли индивидуальной охоты и лучшему учету вклада людей в обеспечение всего коллектива. В результате начинает устанавливаться новый баланс между коллективом и личностью, то есть открывается процесс перехода от примитивного коллективизма в распределении к коллективизму развитому.

4-й этап. Тип отчуждения вступает в зрелость. Многое из того, что только появляется в третьем этапе, теперь становится распространенным. В частности, поскольку жены и мужья были из разных коллективов, приобретают важное значение распределительные отношения, связанные с браком. Правила раздела усложняются и лучше учитывают

¹ По мнению Алексеева, обмен между отдельными хозяйственными коллективами возник, очевидно, на самых ранних этапах истории (Алексеев В. П. Становление человечества. М.: Политгиздат, 1984. С. 373). В. М. Массон также указывает, что обмен сырьем и украшениями имел место уже в верхнем палеолите (см. Массон В. М. Обмен и торговля в первобытную эпоху // Вопросы истории. 1973. № 1. С. 79).

индивидуальный вклад людей. Растет престиж наиболее удачливых добытчиков. Оформляется половозрастное неравенство. Расширяется хозяйственный обмен между общинами.

5-й этап. Переход на охоту на мелкую и среднюю дичь и новые виды деятельности ведут к усилению учета индивидуального вклада и хозяйственной роли семей. Идет поиск оптимального баланса между интересами коллектива, семьи, индивида. Существенно увеличивается возможность создания запасов и получения излишков пищи, а также *выделяются престижные блага именно как символ накопления богатства*. Вместе с этим появляется все больше случаев, которые не подпадают под традиции, что ведет к образованию несоответствия между старыми общественными формами и новым содержанием. В некоторых обществах усиливается половозрастное неравенство.

6-й этап. В связи с ростом социальной значимости престижных благ и увеличением излишка благ в целом, растет стремление уйти от обязательного распределения в своем коллективе. Но это натывается на препятствия в виде обычаев, традиций и морали, направленных на щедрость и мешающих накоплению богатств в руках отдельных людей. Отсюда расширение распределительных контактов вне своего коллектива, что увеличивает возможности более свободного распоряжения благами. Возрастает роль престижной экономики. Помимо половозрастного неравенства, появляется, хотя и слабое, имущественное.

В конце шестого этапа в некоторых обществах основное противоречие, которое выражается в незаинтересованности охотников-собирателей в увеличении объема добычи сверх определенных нужд, разрешается. Тогда побеждает семейное распределение, увеличивается стремление к накоплению благ, могут выделяться богатые люди как уважаемые члены общества, так как богатство дает определенный престиж.

Следует также указать – хотя в данном параграфе я не акцентирую на этом внимание, – что при всех сложностях выделения каких-то линий развития для первой формации,

все же о двух ее главных линиях условно можно говорить. Назовем их **европейско-сибирской**² и **ближневосточной** (это прежде всего Левант и Египет). Если в период первой половины верхнего палеолита европейская линия была несколько впереди, то затем в результате климатических изменений с конца палеолита вперед вышла ближневосточная, где появились высокоспециализированные собиратели, а в мезолите – и первые земледельцы.

5.2. Путь к зрелости

5. 2. 1. Первые шаги к формированию системы доэкономического типа отчуждения

Можно считать, что уже во втором этапе формируются определенные важные моменты нового типа отчуждения. Но общества еще были недостаточно зрелыми, чтобы порядок раздела, его очередность и прочее могли носить институционализированный (безличный) характер. Строгих, непререкаемых, независимых от воли членов этих древних коллективов уравнительных обычаев распределения еще не было. Напротив, оно было связано с конкретными личными качествами членов коллектива и особенностями их взаимоотношений.

Поэтому полагать, что уже в самых древних первобытных обществах *Homo sapiens* распределение подчинялось

² Такое объединение довольно разных культур Сибири и Европы связано с тем, что влияние оледенений в некоторых смыслах сближает их и отличает от регионов, удаленных от ледников. Но, конечно, для иных задач правомерно говорить отдельно о европейской и сибирско-азиатской линиях. Относительно последней есть предположение, что эта «древняя своеобразная культура верхнего палеолита, следы которой обнаружены на всем пространстве Северной Азии, возникла где-то в центре Азии, всего вероятнее в Северной Монголии, где больше всего найдено ее остатков, а затем распространилась оттуда на юго-восток – к реке Хуанхэ, на север – в Якутию и на запад – к Уралу, а также по направлению к верховьям Иртыша» (Всемирная история: В 10 т. Т.1. М.: Политиздат, 1956. С. 81). Относительно Передней Азии считается, что она «в каменном веке была переходной зоной, отразившей в своей материальной культуре влияние как сибирско-монгольских, так и восточносредиземноморских культур» (История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 155).

четким и строгим коллективистским идеям и правилам, как это делает, например, Ю. И. Семенов, неверно³.

«Ни один член коллектива не мог удовлетворять свою потребность за счет подавления потребности других его членов»⁴. Так было, полагает Семенов, изначально и уже в самом примитивном обществе «действовал принцип: от каждого – по способностям, каждому – по потребностям»⁵.

В отличие от него, я считаю, что вектор развития шел не от столь совершенного и строгого коллективизма к появлению все больших элементов индивидуализма, а от коллективизма и индивидуализма (всегда сосуществовавших вместе) **неразвитых ко все более институционализированным. Институционализация отношений распределения в общем виде означала уменьшение зависимости от индивидуальных особенностей людей и их взаимоотношений и усиление роли не зависящих от воли и сознания людей правил и обычаев.**

В прошлом параграфе мы много говорили о том, что даже после появления человека разумного общество с отлаженными социальными отношениями сразу сформироваться никак не могло. Конечно, раз люди были вынуждены совместно жить и совместно охотиться, коллективизм присутствовал уже в самом начале верхнего палеолита, но он был примитивным. Его можно определить как коллективизм, во-первых, недостаточно учитывающий права индивидов; во-вторых, в своих проявлениях гораздо сильнее зависящий от конкретных качеств конкретных людей, чем в зрелых первобытных обществах; в-третьих, узкий, поскольку системных связей с другими коллективами еще нет. А раз собственный коллектив является предельным

³ Следует сказать, что Семенов – один из очень немногих, у кого не только есть цельная концепция развития «экономических» отношений в первобытности, но и кто пытается показать эволюцию этих отношений и коллективизма в целом. У него, бесспорно, есть много верных и интересных мыслей, на некоторые из них я ссылаюсь в этом параграфе. Однако далеко не со всеми его идеями можно согласиться.

⁴ Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М.: МФТИ, 1999. С. 19.

⁵ Там же. С. 16.

образованием, то нет и явной актуальной оппозиции свой-чужой. Отсюда и представления о правах члена и нечлена коллектива еще нечеткие, аморфные.

Поскольку заставить кого-либо охотиться для себя, ничего не делая (равно как и отстранить кого-то от охоты), было невозможно и поскольку для облавных охот (и других целей) требовалось много людей, то так или иначе интересы всех участников охоты и членов стойбища принимались во внимание. Но отнюдь не в идиллической мере. И отношения в коллективе не могли не строиться в связи с личными качествами людей. Поэтому неравенство имело место в виде разной очередности, получения лучших кусков, преимуществ того, кто может больше съесть, отстоять свое. Однако все это имело характер не санкционированного обществом неравенства, а естественного преимущества сильного, хитрого, умного, властного перед слабым, медлительным, глупым, покорным и т. д. Но эти преимущества нужно было постоянно подтверждать.

Разумеется, постепенно какие-то правила в древних обществах выкристаллизовывались и складывались в систему. Этому могло способствовать и то, что постепенно возрастала роль иных, кроме загонной, форм охоты на крупных животных, в частности, нападения группы охотников (а не всего коллектива) на отдельных крупных животных. Интересным примером здесь является охота на пещерных медведей, которых некоторые ученые называют «мясным скотом» охотников каменного века⁶. Среди способов охоты преобладало открытое нападение на тропах и пастбищах группами охотников⁷. Подобного рода охоты и охотничьи экспедиции неизбежно закладывали какие-то правила и создавали прецеденты раздела добычи как между самими охотниками, так и внутри коллектива.

Таким образом, в известной мере древние общества были даже эгалитарнее, чем этнографические, так как их основная деятельность была связана с коллективной (а не групповой и индивидуальной) охотой, в которой принима-

⁶ Верещагин Н. К. Почему вымерли мамонты. Л.: Наука, 1979. С. 67.

⁷ Там же. С. 70.

ли участие все и от которой (хотя и не поровну) получали все. Но с другой стороны, древние коллективы были в чем-то неэгалитарнее современных, так как не было четкого баланса интересов личности, группы и коллектива. И то, и другое свидетельствует о неразвитости отношений.

Серьезные возражения вызывают также представления Семенова о первых, этнографически незафиксированных этапах развития первобытного общества. В частности, это касается выделения особой стадии развития, на которой господствовали – в его терминологии – разборно-коммуналистские отношения.

«Суть разборно-коммуналистских отношений заключалась в том, что вся пища находилась не только в полной собственности, но и в безраздельном распоряжении коллектива. Ею мог распоряжаться только коллектив в целом, но ни один из его членов, взятый в отдельности»⁸. По Семенову, это выглядело так: «...каждый член праобщины получал свободный доступ к добыче. Он мог, никого не остерегаясь, подойти к туше, оторвать кусок и тут же съесть его. Если этого было недостаточно, он мог взять и потребить другой кусок. Но *унести хотя бы небольшую часть мяса с собой он не имел права*, ибо это означало бы отстранение всех остальных от доступа к данной части продукта»⁹. Такой поступок считался нарушением первой в истории человечества нормы поведения и сурово наказывался¹⁰.

Это высказывание вызывает недоумение. Совершенно неясно, во-первых, какова была очередность подхода к туше и кто за этим следил, во-вторых, кто определял лучшие и худшие куски. В-третьих, кто следил за тем, чтобы одни, находясь у туши, не съели больше, чем другие? Наконец, вовсе не понятно, каким образом жарилась пища? Не потреблялась же она сырой? Нет, конечно (за исключением некоторых частей, типа печени), она жарилась. Но не целиком же вся туша? Скорее, каждый брал свою долю и жарил

⁸ Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М.: МФТИ, 1999. С. 18.

⁹ Там же. С. 17 (курсив мой. – Л. Г.).

¹⁰ Там же.

ее индивидуально. Об этом свидетельствует то, что на целом ряде очень древних верхнепалеолитических стоянок зафиксированы не один, а много очагов, у которых сидели то ли семейные пары, то ли группы более дружественных друг другу людей.

Следующий этап эволюции распределительных отношений первобытности, по Семенову, выглядит как некий отход от идиллического коммунизма к индивидуализму. Этот этап связан с тем, что теперь уже члены коллектива необязательно должны были сразу потребить (что называется, не отходя от туши) свою долю. Новые отношения, названные им разделоделением, «прежде всего состояли в том, что индивиду выделялась доля общественного продукта, которой он мог распоряжаться. Часть этого продукта он потреблял, часть использовал для разных социальных потребностей, в частности для дарения»¹¹.

Я думаю, что выделяемые Семеновым формы распределения пищи в древних первобытных обществах в чистом виде никогда не существовали, тем более как последовательные стадии эволюции распределительных отношений. Первобытный человек всегда имел возможность съесть сразу или оставить кусок на завтра, если он не был голоден, съесть свою долю один или поделиться с кем-то.

5. 2. 2. Формирование зрелого типа отчуждения

Третий этап характерен тем, что уже создаются элементы зрелого типа отчуждения, которые окажут в будущем большое влияние на формирование всей общественной системы.

Во-первых, в связи с установлением более прочных контактов начинает оформляться хозяйственная территория как территория коллектива в противоположность территории других коллективов. Правда, есть мнение, что, поскольку в эпоху верхнего палеолита плотность населения была небольшой и было много свободных территорий, «для охотников и собирателей верхнего палеолита и мезолита

¹¹ Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М.: МФТИ, 1999. С. 18.

какие-то формы собственности на территорию были менее характерны, чем для низших охотников и собирателей этнографической современности»¹².

Однако все-таки думается, что пусть не для всех, но для некоторых коллективов проблема границ хозяйственной территории становилась актуальной уже весьма давно. Вероятно, там, где население реже и территория скуднее, границы хозяйственной территории слабее и прозрачнее, а там, где местность изобильнее, производительность выше, плотность населения выше, при прочих равных условиях и соблюдение границ строже¹³.

Во-вторых, в это время формируется система определения личных долей охотников, развивается идея личной собственности на некоторые вещи. Усложняется и вся система дележа, укрепляются контакты и обмен между индивидами и семьями разных коллективов.

В-третьих, возможно, начинается более четкое оформление полового неравенства в связи с тем, что супруги принадлежали к разным родам. В распределении начинает учитываться более близкое и более дальнее родство и свойство.

В течение четвертого этапа обозначаются главные направления развития и формируется первичная система зрелого типа отчуждения. Но она еще не завершена. Ее полная зрелость достигается в пятом этапе.

Важнейшая тенденция заключалась в развитии более формализованной системы правил распределения. Этому особенно способствовали появление лука (или аналогичного оружия: копьеметалки, бумеранга, духовой трубки) и возможность добывать пищу малыми группами или индивидуально. Роль индивидуальной или небольшими группами охоты стала очень заметной на этапе высокой зрелости. И, думается, в течение длительного времени шел поиск наилучшего учета потребностей той части коллектива, которая нуждалась в перераспределении пищи, и добытчиков.

¹² История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 206.

¹³ См. там же. С. 205–207.

Там, где последние лишались стимулов к увеличению своих усилий, общество оскудевало. Там, где побеждал индивидуализм, ослабевали социальные связи и общество деградировало. В конце концов сформировались достаточно сложные системы, с одной стороны, обязывающие делиться, с другой – учитывающие «трудовой вклад». Это позволило создать хороший социальный баланс в коллективах. Однако формализация правил раздела вела к тому, что охотники прибегали к различным уловкам, чтобы иметь право получить при разделе больше¹⁴.

Другая тенденция связана с расширением круга лиц и групп, включенных в распределение и обмен, за счет расширения, уплотнения и упорядоченности соответствующих контактов и связей. Возрастает роль межобщинного обмена, а также и посредничество в таких отношениях¹⁵. «Археологические изыскания... подтверждают, что в Европе, Азии и Африке на верхнепалеолитических стоянках имеется немало предметов неместного происхождения, нередко при этом из довольно отдаленных для этого времени мест. Главным образом это были кремь, сланец, обсидан, лазурит, янтарь, морские раковины и ряд других подобных предметов»¹⁶.

Таким образом, в третьем этапе возникают, в четвертом достигают зрелости, а в пятом приобретают полные характеристики направления, связанные с переходом от неразвитого коллективизма к институционализированному, с од-

¹⁴ Например, у некоторых северных племен существовал обычай, по которому охотнику доставался олень, который умирал на суше, а коллективу – те, которые погибли в воде. Били оленей на переправе. В этом случае охотники стремились только ранить животных в воде, чтобы добить их на берегу и взять оленя себе.

¹⁵ Уже в конце палеолита и мезолите обмен различных вещей и материалов в некоторых случаях играл существенную роль. Например, на территории Индостана, по свидетельству А. Я. Щетенко, такой обмен носил сложный характер. «Мезолитические поселения, удаленные от основных источников сырья, получали его путем опосредованного обмена из различных мастерских по добыче камня, поэтому в некоторых контактных зонах существовали орудия, изготовленные из материалов всех перечисленных выше зон (зона кремня и кремнистого сланца, зона агата, халцедона и яшмы, зона сланца и кварцита. – Л. Г.)» Цит. По: Румянцев А. М. Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки. М.: Наука, 1987. С. 178.

¹⁶ Румянцев А. М. Ук. соч. С. 170.

ной стороны, и от естественного индивидуализма к индивидуализму, ограниченному правилами – с другой. Механизмы отчуждения с того момента, как отношения институционализируются, все заметнее приобретают характер надличностный и безличностный, хотя конкретные качества людей и их отношений всегда играли важную роль.

5. 3. Система доэкономического типа отчуждения

5. 3. 1. Понятие доэкономического типа отчуждения

Я уже объяснял, почему построил названия типов отчуждения вокруг понятия «экономический»¹⁷, хотя, разумеется, для типа отчуждения первой формации вполне подошли бы названия первично-коллективистский, коммуналистский и другие.

В противоположность усиленным (и бесплодным) попыткам применить к анализу распределительных отношений первобытности политэкономические методы, некоторые исследователи всегда подчеркивали, что в эти эпохи «...неэкономическая сторона производства господствовала над первой, экономической его стороной» (Н.Тер-Акопян)¹⁸. Но еще точнее будет сказать, что здесь еще вообще нет экономической стороны, а есть только отдельные, похожие на экономические, моменты. Иными словами, и в период зрелости здесь отсутствует даже слабый сектор, где имеется хоть какая-то экономическая система распределения. Ретроспективно некоторые ее признаки угадываются только на высших этапах этого типа отчуждения, но именно как во многом инородные доэкономическому отчуждению. Формируется же как система (хотя и второстепенная) она только во второй формации.

Таким образом, доэкономическим тип отчуждения называется, во-первых, потому, что собственно экономики нет еще, поскольку и производства-то нет, а есть только присвоение продуктов природы, и человек еще не отделен от природы.

¹⁷ См. настоящую работу // Философия и общество. 2000. № 4. С. 17–19.

¹⁸ Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. С. 83.

Во-вторых, потому, что добытчик включен в тот или иной коллектив по обстоятельствам вовсе или мало зависящим от его желания, воли, выбора, заинтересованности, а значит, над распределением довлеют первичносоциальные моменты коллективизма, родства, половозрастного положения и прочего, что изменить невозможно. При изначальной принадлежности к определенному коллективу и почти абсолютной необходимости быть с ним связанным невозможно отделить экономическую и неэкономическую стороны. Так же, как это невозможно сделать сегодня в обычной семье, которая существует прежде всего как брачно-родственная ячейка и в которой один котел и один карман.

В-третьих, нет заметного социального и имущественного неравенства, эксплуатации, замкнутых социальных групп. Труд еще не стал уделом неравноправных.

Дозэкономический тип отчуждения характерен тем, что от производителя отчуждается часть добытого им продукта. Иногда основная часть. Таким образом, блага делятся так, чтобы, с одной стороны, поддержать жизнедеятельность коллектива (или его части) и воспроизводить те элементы неравенства, что утвердились в каждом обществе, а с другой – чтобы все же в определенной мере учитывать индивидуальный вклад человека.

Следовательно, можно говорить об отчуждении труда и личности производителя первобытным коллективом с помощью соответствующих обычаев, традиций, запретов и поощрения щедрости. Значит, наиболее сильные, энергичные и удачливые люди не имели равноценной своему вкладу доли, подобно тому как это постоянно бывает в семьях или в коллективах, где все трудятся по-разному, а получают более-менее одинаково. Все это лишало людей стимулов к увеличению производства и накоплению излишков.

5.3.2. Главные черты доэкономического типа отчуждения

Уже где-то в конце палеолита и в мезолите складываются первые варианты зрелого доэкономического типа от-

чуждения. Можно предположить, что эти варианты существенно отличались от известных нам. И все же, полагаю, что в наиболее абстрактных характеристиках древние и этнографические общества были похожи. Укажем на некоторые очень важные характеристики доэкономического типа отчуждения. Эти черты проявляются в зрелости, но особенно ясными становятся на этапе высокой зрелости.

1. В известном смысле тип отчуждения можно назвать **равнообеспечивающим**, но **неравным**. Фактически распределение благ не было и не могло быть равным, но, по крайней мере, в идеале, пищи должно быть достаточно, чтобы накормить всех. С одной стороны, для многих охотников и собирателей так же, как для бушменов, «немыслимо, чтобы одна семья имела много пищи, а другие ничего»¹⁹, но с другой – распределение учитывает и индивидуальный вклад и более высокий статус отдельных людей²⁰.

2. Коллектив хотя и не без конфликтов, но достаточно эффективно подчиняет и примиряет требования и желания отдельных людей и групп в распределении пищи и других благ. Для этого применялось множество правил и обычаев, которые сглаживали соперничество и напряжение и должны были «помочь людям избегать ситуаций, возбуждающих враждебность, зависть и недоброжелательство»²¹, не умаляя полностью разницы в распределении.

3. Для реализации того, о чем сказано в п. 1 и 2, существовали специальные правила дележа добычи. Они в каж-

¹⁹ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 152.

²⁰ Правила распределения добычи у бушменов и пигмеев показывают, по словам Фолько Куиличи, что эти народы «нашли весьма разумное соответствие между правами коллектива и отдельного человека» (Куиличи Ф. Тысяча огней / Пер. с ит. М., 1969. С. 329). Куиличи же пишет, что у пигмеев «тот, кто первым нашел старицу, полную рыбы, фруктовое дерево или дикий мед, получает самую большую долю и сам распределяет остаток между пигмеями» (Там же).

²¹ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1968. С. 152. У бушменов (и у многих других) «наиболее важные среди этих обычаев – распределение мяса и дарообмен...» (Там же). «Как сообщают этнографы, слишком энергичного охотника или собирателя могли высоко ценить, но только до определенного предела, за которым начинали действовать чувства зависти и обиды. Удачливого охотника могли обвинить в неправильном распределении добычи и скупости. В результате после серии удачных охот и распределений охотник мог на время прекратить свою деятельность, чтобы дать и другим мужчинам шанс попробовать себя» (Семенов Ю. И. Ук. Соч. С. 69).

дом племени могли быть особыми и зависели от разных причин (в огромной степени от типа хозяйствования и методов охоты, рыбной ловли). Где-то охотник получал лучшую долю, где-то даже худшую. Нередко главарь, старейшина, вождь первым делил добычу и брал себе самый лучший кусок.

Например, у пигмеев «всякая дичь, убитая из лука, запрещена, – *soxa*, пока вождь не отведает ее. Запрет не распространяется на печень, которую охотники едят на месте, но которая для женщин остается при любых обстоятельствах *soxa*. В добавление к этим общим правилам существует *soxa* для определенных функциональных или социальных категорий. Так, жена охотника может есть только мясо и сало с задней половины животного, внутренности и лапы. Эти части убитого животного составляют порцию, предоставляемую женщинам и детям. Мальчики-подростки имеют право на брюшную полость, почки, половые органы и вымя, а охотник на лопатку и ребра правой или левой половины животного. Доля вождя состоит из толстого куска от каждой четверти и от каждой филейной части и по котлете с каждого бока»²².

4. Сказанное в п. 1–3 вполне объясняет, почему в развитых первобытных коллективах одновременно действовало несколько форм и даже систем распределения благ и существовали разные формы обмена с членами других коллективов. Этому могло способствовать и разнообразие хозяйственной деятельности.

5. Часто исследователи отмечают поощрение и даже требование щедрости со стороны удачливых или выдающихся людей. Такая щедрость становится нередко весьма обременительной и тяжелой. Но она же и побуждает людей добывать (иметь) несколько больше, чем они могли бы в иных случаях. Можно считать (как и делают некоторые ученые), что в известной мере щедрость и особый вклад человека в обеспечение коллектива обменивались на по-

²² См.: Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 194.

вышенный престиж и более высокий статус. Но такой обмен в смысле возврата благ был неэквивалентным.

6. Распределение благ, прав и обязанностей во многом вытекало из родственных и брачных отношений. Но это становилось более заметным уже на высших этапах формации.

7. Сами браки могли превращаться в удобный канал установления хороших отношений и хозяйственных контактов между общинами, родами и племенами, в том числе и связанных с правами охоты и собирательства в группах отдельно проживающих родственников. В Австралии это давало права на использование дополнительной хозяйственной территории, причем даже не с момента брака, а с момента, так сказать, помолвки. «Как только женщина была обещана мужчине, он, его другие жены и их дети имели право охотиться и заниматься собирательством на территории локальной группы обещанной ему женщины и своей собственной группы. Если мужчина брал нескольких жен из разных локальных групп, он получал право на использование земель этих групп. Такой охотник имел большой авторитет в обществе, поскольку был связующим звеном между различными локальными группами...»²³

8. По крайней мере, потенциально коллектив имеет права на личность (чаще часть коллектива или какой-то его слой, например старшие мужчины, семья и т. д.). Иногда такое право проявляется достаточно ярко, особенно в вопросах брака. Но в целом эти формы станут актуальными позже, в начале нового типа отчуждения, когда право коллектива на личность (особенно на женскую) вырастет.

5. 3. 3. Некоторые пояснения к характеристике типа отчуждения

1. Совершенно неправильно представлять первобытное общество как общество, в котором поведение людей было всегда жестко обусловлено. Нет, определенная свобода действий и выбор линии поведения имелись всегда. Их

²³ Роуз Ф. Аборигены Австралии / Пер. с англ. М., 1981. С. 45.

степень колебалась от общества к обществу, но порой могла быть весьма большой.

Однако, во-первых, сами условия жизни ставили жесткие границы для свободы и выбора. Поэтому свобода состояла не в том, делиться или нет, а в том, с кем именно и в какой пропорции поделиться в первую очередь, а с кем во вторую, третью и т. д.; не в том, трудиться или нет, а в том, к какой именно группе из большого коллектива временно присоединиться.

Во-вторых, многое ограничивалось тем, что позволяли правила и обычаи, интересы других людей и коллектива в целом. Выглядело это примерно так, как это было у эскимосов ихалмютов: «Да, таков первейший нерушимый закон этих краев: то, что делает человек, священо, и никто не имеет права вмешиваться в его дела, за исключением лишь таких случаев, когда действия одного человека могут представлять опасность для остальных членов общества. Но это вовсе не значит, что здесь отказывают соседу в помощи, если он в ней нуждается. Наоборот, второй и, вероятно, самый главный закон Барренс гласит: пока хоть в одном жилище имеется еда, снаряжение или человек, обладающий физической силой, никто в стойбище не должен испытывать нужды в этом»²⁴.

Чрезмерная свобода, в том числе в распределении благ, которые принадлежали определенному добытчику, угрожала самому существованию коллективистских отношений и обществу²⁵.

2. Способы и степень перераспределения были различны. Они сильно зависели как от способа хозяйствования, так и от объема добываемых благ, равно и возможности или невозможности запастись блага на определенный срок. Наиболее распространенными поэтому были привилегии на более ценную пищу, иногда на редкие вещи.

3. Полное отчуждение продукта с последующим распределением было нечастым явлением. В небольших кол-

²⁴ Моуэт Ф. Люди оленьего края / Пер. с англ. М.: ИЛ, 1963. С. 175.

²⁵ «Неопределенность, которая возникала в обществе в результате такой свободы при каждой конкретной раздаче, с неизбежностью порождала напряженность, трения и даже конфликты (Семенов Ю. И. Ук. соч. С. 55).

лективах при отсутствии особого аппарата обычно не было смысла централизовать и затем распределять продукт. Отчуждалась лишь его часть. Там же, где население было разреженным, отчуждение вообще существовало как бы в потенциальном виде, то есть не постоянно, а в отдельных случаях (при потребности в помощи, при появлении гостя и т. п.).

4. Во многих обществах наибольшие тяготы человек нес именно в связи с браком. Ведь для обретения определенного статуса мужчина (юноша) обязан был жениться. Но он или должен был отдать взамен женщину в другой коллектив, или как-то отработать за нее ее родичам²⁶. При малочисленных коллективах простой обмен женщинами нередко был затруднен и порой приходилось долго ждать возможности вступить в брак. А до этого события мужчина мог иметь повышенные обязанности (по сравнению с женатым, обеспечивающим свою семью) перед коллективом или его частью.

Отработки или своего рода выкуп за жену были весьма распространены. Например, так было у тасманийцев²⁷, у австралийцев, бушменов²⁸ и других.

5. Указанная ситуация позволяет сделать вывод, что хотя накопление материальных благ было по производственным и общественным причинам затруднено или невозмож-

²⁶ Леви-Строс вообще говорил о циркуляции женщин между кланами, линиями или семьями как о важнейшей, фундаментальной особенности примитивных обществ, как своего рода их особом языке, как множестве операций, обеспечивающих возможность общения между группами и индивидами (см.: Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. М.: Наука, 1983. С. 56–58).

²⁷ Временное (до- или послебрачное) поселение брачной пары в группе жены во многом объясняется тем, что «жених или муж обеспечивает пищу родителей своей невесты или жены в порядке своего рода выкупа, компенсации группе, к которой принадлежит или принадлежала женщина, за потерю в ее лице рабочей силы...» (Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975. С. 131–132).

²⁸ «Хотя браки в большинстве общин вирилокальны, молодые семьи от двух до десяти (выделено мной.— Л. Г.) лет живут в общине родителей жены, а многие остаются в ней навсегда... В это время муж обеспечивает охотничьей добычей родителей жены и других членов ее общины... Бушмены видят смысл временного поселения молодой семьи в общине родителей жены именно в том, что муж должен помогать им, а фактически всей общине» (Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 143).

но, тем не менее в некотором смысле накопление все же имело место. Только оно было не имущественным, а социальным и потому носило скрытый характер. И во многих случаях такое накопление было связано именно с выгодами, которые получали родители (родственники) невесты и молодой жены (иногда и жениха). Используя язык политэкономии, их можно было бы образно определить как своего рода **брачную ренту**.

5. 4. Основное противоречие

5. 4. 1. Суть основного противоречия

Я уже говорил, что в нашей науке, особенно в политэкономии, которая в известной мере давила на ученых-первобытников, была распространена идея о хронической нехватке продуктов у охотников-собирателей и что такая нехватка и выступала как основное противоречие, ведущее к развитию, в частности изобретению земледелия. Внешне логичное, это заключение оказывалось неверным, поскольку не подтверждалось фактами. Напротив, выяснилось, что многие охотники, собиратели, рыболовы в обычное время сравнительно легко обеспечивали себя пищей, затрачивая на это в среднем в день 2–5 часов.

Бесспорно, у них нередко возникали нехватка пищи и время от времени голодовки, связанные с отклонениями в природных процессах. Конечно, неожиданное отсутствие дичи, засуха или нечто подобное тяжело отражалось на общинах. Но в целом воздействие таких черных полос было аналогичным тому, что наблюдалось у земледельцев и скотоводов: решительного влияния на развитие производства они не оказывали.

В нормальное же время чаще всего пищи хватало, а нередко ее было больше, чем нужно. С учетом же того, что первобытные люди умели наесться на несколько дней вперед и относительно легко переносили голод в течение нескольких суток, ситуации неравномерности в получении пищи не были решающей причиной, побуждающей к качественному развитию производства. Главными причинами

были смена места обитания и изменение природных условий (и к тому, и к другому нельзя было приспособиться, не меняя ничего в производстве), а также обмен достижениями в разной форме.

Таким образом, люди в зрелых первобытных обществах могли производить существенно больше, чем фактически делали, однако не стремились к этому как к хозяйственной и жизненной цели²⁹. Это и составляло (как говорилось в прошлой главе, где приводились соответствующие примеры) основное противоречие первой формации. Его можно сформулировать как **противоречие между возможностью производить больше, но отсутствием стимулов для этого**. Иными словами, **производитель может, но не считает нужным добывать благ больше обычных потребностей и общественных нужд. Он не стремится к постоянному накоплению пищи и других благ**.

Это было связано как с чисто производственными (техническими) ограничениями, поскольку слабость возможностей для хранения, транспортировки и обмена ставила жесткие преграды для накопления, так и с тем, что сложившиеся на этой материальной базе общественные отношения строго ориентировали людей на беззаботность, «нестяжательство» и необходимость делиться с сородичами. Все вместе лишало их стимулов к накоплению благ.

Основное противоречие касалось не только взаимоотношений между индивидом и коллективом, но и между семьей и общиной³⁰.

Следует напомнить, что это **формационное** противоречие, поэтому в каждом обществе оно проявлялось своеобразно, неполно, какой-то одной частью, где-то могло не играть важной роли. Можно отметить, что чем оптимальнее было количество необходимого продукта, тем естественнее

²⁹ Иногда даже люди знали о более производительных способах добычи пищи, но игнорировали их.

³⁰ «Противоречие между общиной и семьей проявляется в том, что каждая из них стремится расширить свои функции в ущерб другой.... Суть противоречия в том, что чем крепче община, тем слабее семья, и наоборот» (Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) / Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. С. 132).

(спокойнее, легче) было перераспределение. Если его добывалось столько, чтобы хватало всем и никто не голодал, но и не слишком много, чтобы возникал постоянный излишек, значит, все функционировало нормально. В таких обществах основное противоречие формации имело место, но не создавало особого напряжения.

Там же, где природные условия были неблагоприятны и существовала нехватка пищи, основное противоречие ослабевало.

При постоянном избытке неизбежными становились попытки индивида оставить излишки себе. Но они наткнулись на устоявшиеся институты. Такая ситуация вела к обострению основного противоречия.

5. 4. 2. Техническая сторона основного противоречия

Как уже говорилось в предыдущей и в этой главах, пока общества не достигают уровня высокой зрелости, главными в основном противоречии являются прежде всего чисто производственные и технические ограничения. Недостаточная производительность труда и ограниченность возможности транспортировки, хранения, переработки, обмена и прочего не позволяют создать нужный уровень превышения производства над оптимальными потенциальными ведущими отношений. Под оптимальными я имею в виду такие потенциалы, которые достаточно полно раскрывают основные черты отношений и институтов, но не создают необходимости в их изменении.

Указанное же превышение материальных возможностей, появившееся в результате устранения некоторых производственных ограничений, начинает давить на общество. Поэтому преодоление технического противоречия неизбежно ведет к некоторым переменам в общественных институтах. Но все же степень развития производительных сил и степень изменений в общественных отношениях оказывается в конечном счете в пользу первых. А это ведет к обострению общественной части основного противоречия.

Техническую часть основного противоречия первой формации можно определить как *ограниченность возможностей запасать блага на длительный период, хранить, переносить и обменивать их*.

О чисто производственных изменениях в результате преодоления технической части основного противоречия шла речь в предыдущей главе. Это развитие способов запасать пищу (копчение, вяление, заморозка, консервирование и прочее), появление более совершенных орудий труда (типа сетей, особых ловушек и прочего), развитие некоторых видов транспорта (сани, лыжи и прочее), приручение собак и т. п.

Изменения в отношениях в первобытных обществах выражались в усилении формализованности правил раздела добычи и определения охотничьих долей; усложнении циркуляции благ; в появлении или институционализации некоторых форм неравенства (или напротив сглаживании неравенства); некотором развитии личной собственности; в усилении или, напротив, ограничении личной свободы в занятиях и использовании своего продукта; в усложнении и углублении взаимоотношений с соседями и появлении возможности пользования их охотничьими и хозяйственными угодьями, ряде других вещей.

У кочевых или лесных народов преодоление технической стороны могло носить характер создания очень гибкой производственной организации, когда состав локальных или целевых групп непостоянен, возможность включения в них облегчена.

5. 5. Основные формы и механизмы распределения благ и неравенства

5. 5. 1. Главные линии неравенства

Если мы посмотрим на то, по каким основаниям возникало неравенство и различия в распределении благ у первобытных людей, то можно увидеть три главные линии, которые всегда имели место в любом достаточно развитом первобытном обществе, но, конечно, в разной степени:

1) личные качества индивида как человека и добытчика и шире вообще его социальная роль. С этим был связан авторитет человека, а иногда и должность;

2) половозрастное положение;

3) положение в семье и как родственника, а также его отношение к общине, где он проживает, в смысле наличия больших или меньших прав. Иногда старожилы имели существенные преимущества перед новоселами.

Мне думается, что первый момент являлся и самым древним. Точнее говоря, сначала он был единственным, так как два остальных в неразвитых обществах являлись как бы частью личной характеристики человека и лишь затем выделились в особые характеристики. Позже социальная роль стала влиять на социальный статус, а авторитет в некоторых случаях (обществах) переходил в то, что называется институционализацией авторитета. Во всяком случае свобода и возможности «для выбора самостоятельной линии поведения» человека в ряде обществ (особенно у австралийцев) сильно зависели от того, как высоко оценивалась социальная значимость человека³¹. Разная социальная роль могла подчеркиваться, например, различием в похоронной обрядности: от почти лишнего всякой церемониальности закапывания тела до многодневных и многолюдных ритуалов, с перезахоронениями и многократными пышными поминками³².

Более обычными были различия при разделе пищи, существовавшие во многих обществах, где «наиболее авторитетные члены общины пользуются некоторыми привилегиями; так им принадлежит исключительное право делить охотничью добычу»³³. Но это, конечно, и значительная обязанность. «Люди, обладающие особыми способностями, как и старейшие члены общины, при распределении охотничьей добычи имеют некоторые преимущества. Те и дру-

³¹ Артемова О. Ю. Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества / Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития: Сборник научных трудов: В двух частях. М.: Институт истории СССР, 1991. Ч. 1. С. 58.

³² Там же. С. 58.

³³ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 123.

гие могут отложить для себя лучшие куски, даже если они и не принимали участия в охоте»³⁴.

Таким образом, возможность отклонения от нормы для выдающихся людей (а такая необходимость неизбежно появлялась) нередко как бы санкционируется дополнительными обычаями общества. Другими словами, отклонение от нормы приобретает характер особой нормы для особых людей и случаев. Следовательно, некоторое неравенство между людьми и половозрастными группами также приобретает более упорядоченный характер.

Нужно учитывать и неравенство между коллективами, связанное с использованием лучших территорий, обладанием запасов непищевого сырья, выгодами от географического положения (посредничество и прочее). Известны случаи, когда одни группы отказывались поставлять другим те или иные виды природных богатств, и это вело к конфликтам. «Межплеменные и межгрупповые столкновения возникали из-за... нарушения соглашений – когда, например, одно племя отказывало другому в обещанной охре ...»³⁵

5. 5. 2. Эгалитарные и неэгалитарные общества

В нашей науке преобладало мнение о полном социальном равенстве в обществах низших охотников, собирателей и рыболовов. Однако картина в этом плане существенно различна. «Ряд первобытных обществ (бушмены Южной, пигмеи Центральной, хадва Восточной Африки, некоторые группы негритосов Малайзии и т. д.)... характеризовался практически полным социальным равенством. Но вместе с тем рядом, несомненно, первобытных обществ (классическим образцом здесь являются аборигены Австралии), было свойственно явно выраженное социальное неравенство...

³⁴ Там же. С. 122–123.

³⁵ Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975. С. 147–148. Сказанное относится не только к тасманийцам, но также и ко многим другим народам.

социальное угнетение одними половозрастными группами других»³⁶.

Поэтому и возникла у некоторых исследователей вполне правомерная мысль о том, что первобытные доземледельческие общества можно разделить на эгалитарные и неэгалитарные³⁷. К первым относят те общества, где нет заметного половозрастного (и иного) неравенства: бушмены кунг и нхаро, пигмеи, хадва, палийаны Южной Индии и некоторые другие³⁸. Ко вторым – такие, где были сильное половозрастное неравенство, заметная институционализация авторитета и прочее. Это прежде всего австралийцы.

Разумеется, такое деление достаточно относительно. С одной стороны, полностью эгалитарных обществ не было (и не могло быть). С другой – то, что характерно для Австралии, не составляет исключения, просто там многие вещи более ярко и четко обозначены. У андаманцев, например, молодые неженатые охотники обязаны были отдавать лучшую часть добычи старшим мужчинам³⁹. *В любом случае следует учитывать, что многие виды как неравенства, так и институционализованного равенства, – это уже признаки высокой зрелости первобытных обществ.*

5. 5. 3. Формы и степень неравенства. Способы распределения

В неэгалитарных обществах мужчины среднего и старшего возраста могли работать меньше, а получать больше, чем молодёжь, и активно пользовались трудом и услугами

³⁶ Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития: В двух частях. Ч. 1. Введение (автор Коротаяев А. В.). С. 5.

³⁷ Одним из лидеров здесь является О. Ю. Артемова (см., например, ее работы: Артемова О. Ю. Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества / Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития: Сборник научных трудов: В двух частях. М.: Институт истории СССР, 1991. Ч. 1. С. 44–91; Artemova O. Y. Monopolization of Information and Social Inequality / Alternatives of Social Evolution. Ed. N.Kradin and other. Vladivostok: FEB RAS, 2000. P. 132–137).

³⁸ См.: Артемова О. Ю. Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества. С. 68.

³⁹ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 89. Это еще раз свидетельствует и о том, что вступление в брак, как важнейший акт для человека, во многих случаях был под контролем у общины или ее ведущей группы.

женщин. Помимо этого, за счет многоженства в пользу старших мужчин шло перераспределение женщин и соответственно детей. Раннее обручение последних, иногда чуть не до рождения еще, позволяло уже заранее пользоваться льготами родственников. Это делает более комфортной и привилегированной жизнь старших мужчин. Но в результате молодые мужчины не могут вступить в брак, остаются неполноценными и к тому же вынуждены отдавать часть своей добычи. Естественно, что стимулы к увеличению производства ослабевают (хотя частично это компенсируется поддержкой в обществе элементов соперничества и соревнования).

Хотя ситуация с половозрастным неравенством у австралийцев в чем-то сходна с тем, что было у ранних земледельцев, но есть и важные различия. С помощью жен и детей австралийские охотники накапливают только престиж, а у многих земледельцев отдельные домохозяйства именно за счет большого количества жен могли создавать излишек благ и накапливать богатства.

В неэгалитарных обществах неравенство выражалось также в том, что женщинам и молодёжи было запрещено употреблять некоторую (наиболее ценную, редкую или вкусную) пищу, участвовать в общественных и религиозных делах. «Мотивы табу разнообразны, но ясно, что они связаны с особым социальным значением мясной пищи и **отражают социальную неоднородность первобытного общества**»⁴⁰.

Но и в зрелых первобытных эгалитарных обществах половозрастное неравенство также нередко имело место, хотя и не играло важной роли и не было ярко выражено. Здесь также встречаются и пищевые табу, и некоторые привилегии старших членов общины, и некоторые преимущества колдунов, администраторов и авторитетных людей, многоженство. Так, у бушменов кунг более одной жены имеют 5% мужчин⁴¹. При этом у бушменов «положение мужчины,

⁴⁰ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 152–153 (выделено мной. – Л. Г.).

⁴¹ Там же. С. 155.

имеющего несколько жен, соответственно повышается»⁴². Не следует забывать и о выкупе (отработках) за жену.

Неравенство также может проявляться в экстремальных ситуациях. Например, в некоторых случаях при голоде или других бедствиях были распространены убийства стариков и детей. У эскимосов, в частности ихалмютов, «в тяжелых условиях существования человеческая жизнь... ценится соответственно строго определенной системе приоритета...». На первом месте мужчина-охотник, затем идет его жена; если их несколько – младшая; затем дети. «Старики располагаются на самой нижней ступени этой своеобразной лестницы»⁴³.

И все же для эгалитарных обществ главная форма неравенства была связана именно с основным противоречием формации, когда мужчины (особенно неженатые и молодые) отдавали, как общее правило, больше, чем получали.

Таким образом, *в некоторых случаях неравенство в распределении благ и обязанностей было в отношении мужчин-добытчиков, а в некоторых – женщин. И едва ли не везде оно наблюдалось в отношении молодежи.* Но в целом неравенство в первой формации не носило чрезмерного характера, поэтому оно не было в числе главных движущих сил качественных перемен в жизни обществ.

Формы неравенства зависели также от особенностей хозяйства, плотности населения, степени оседлости, изобильности местности.

5. 6. Тип отчуждения на высших этапах. Новые тенденции. Разрешение основного противоречия

5. 6. 1 Новые тенденции

На высших этапах приобретают важное значение тенденции, которые обозначились раньше: развитие и институционализирование половозрастного неравенства, ограни-

⁴² Бьерре Й. Затерянный мир Калахари / Пер. с англ. М.: Мысль, 1964. С. 129.

⁴³ Моузт Ф. Ук. Соч. С. 179–180.

чение прав коллектива на добычу, приобретенную индивидуально, и другое.

Очень важным было выделение среди благ таких, обладание которыми повышало престиж человека. Увеличилась возможность «превращения» обычных, повседневных благ в **форму престижных благ** (за счет дарообмена, торговли и прочего). Это открывало перспективы накопления и длительного хранения благ, а также расширяло возможности повысить свой престиж. Теперь он растет не только за счет щедрости при разделе добычи, но и за счет роста распределительных и хозяйственных контактов отдельных людей с представителями других коллективов. Чем больше было таких контактов, тем активнее должен был вести себя человек и тем большее уважение он мог заслужить. Это открывало некоторые потенции для самореализации личности и также способствовало появлению групп с разным статусом⁴⁴.

Но как только появилась возможность накопления престижных вещей, так возникло и стремление уйти от их принудительного дележа. С одной стороны, общество не позволяло человеку собирать богатства. Оно требовало, чтобы он делился и был щедрым. С другой стороны, такая ситуация лишала не только отдельных людей, но и общество в целом стимулов к накоплению. А оно было объективной необходимостью. Таким образом, противоречие нарастало. И до своего коренного разрешения (то есть до перехода к трудовому распределению, к разрешению накапливать престижные блага и прочему) оно как бы отодвигалось различными компромиссными способами.

Раз общество еще не доросло до идеи: то, что человек произвел, принадлежит ему – стремление к богатству начинало реализовываться как бы обходными способами и путями. Внешне «по букве» они соответствовали требованиям общества, но, по сути, «по духу» им противоречили. Человек еще не может просто копить и отказаться делиться, но он уже пытается извлечь максимум выгоды для себя при

⁴⁴ Описанные тенденции с особой силой проявились позже – в начале второй формации.

неизбежном отчуждении благ. Если просто оставить что-либо себе невозможно, то можно, по крайней мере, отдать вещь тому, кто лучше оценит это и потом сделает ответный подарок; если нельзя прямо отказать в просьбе подарить вещь, то можно сказать, что она уже обещана другому. И т. д.

Из этого противоречия развиваются обычаи побратимства, особые договоры между семьями, ранние помолвки детей, дарообмен и престижный обмен, деятельность тайных обществ и многое другое, что станет очень распространенным в начале следующей формации. Любопытной формой являлся обычай обмена охотничьими долями у некоторых племен Американского Севера. «...Родители решали, что их сыновья, став взрослыми, до тех пор, пока они будут жить в одном стойбище и, следовательно, принадлежать к одной общине, будут давать друг другу определенные части убитых ими тюленей. И отцы мальчиков, заключив такое соглашение, сразу же начинали давать друг другу обусловленные части добычи»⁴⁵. Начинается борьба за возможность передачи по наследству⁴⁶, хотя главные «бои» здесь приходится на начало следующей формации.

Итак, налицо стремление выйти за круг тех людей, которые требуют своей доли как бы по праву и считают щедрость обязанностью. Вне этого круга обмен идет более эквивалентный, чем внутри него. Чаще это было возможно при переносе центра тяжести контактов из своего узкого коллектива в иные, в которых обязанности человека делиться не существовало. Это было тем более возможно, что важнейшей тенденцией развития становились расширение предельной хозяйственной территории и увеличение плотности и частоты контактов (либо появление очень крупных общин).

⁴⁵ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 204.

⁴⁶ «...Можно... предполагать, что наследование личного имущества возникает еще на этапе раннепервобытной общины охотников, собирателей, рыболовов» (История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 208).

Для расширения такой территории часто используются традиционные институты, которые, однако, сохраняя форму, существенно меняют свое содержание. «Межобщинные связи жизненно необходимы бушменам, поэтому там, где фактические родственные связи отсутствуют, устанавливается фиктивное родство (или «родство по имени», как его иногда называют в литературе), при котором родственниками считаются все, кто носит одно и то же имя. Люди, включенные в систему фиктивного родства, ведут себя по отношению друг к другу как родственники»⁴⁷. Подобные способы имеются у многих первобытных народов, в том числе и у австралийцев. Это позволяет наладить хозяйственные контакты и пользование ресурсами там, где фактически родственных связей не может быть по причине отдаленности или иных проблем⁴⁸. «Так тысячи бушменов кунг связаны цепью фиктивного родства от Анголы на севере до Ботсваны на юге»⁴⁹.

5. 6. 2. Престижная экономика как строительные леса будущего типа отчуждения

Некоторые из вышеописанных отношений при распространении в дальнейшем становятся переходными для внеэкономического типа отчуждения второй формации, своего рода строительными лесами. И подобно тому, как леса убираются, когда стройка окончена, и эти отношения стали не нужны и исчезли, заменившись отчуждением с помощью государства или иным способом.

Среди таких «строительных лесов» особенно следует отметить дарообмен и в целом престижную экономику.

Дарообмен представляет собой довольно распространенные среди разных народов обычаи обмениваться различными благами. Иногда это могли быть вполне обыкновенные вещи: пища, утварь, орудия труда и т. п. Бушмены говорят относительно дарообмена: «Мы всегда дарим что-нибудь друг другу. Мы отдаем все, что имеем. Это наш

⁴⁷ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 145.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

способ жить вместе»⁵⁰. Скорее всего такие обычаи возникли в результате желания поддерживать дружественные отношения и необходимые контакты.

Обычаи дарообмена часто кажутся современным людям глупыми и бессмысленными: зачем, скажем, дарить друг другу то, что каждый имеет и так. Зачем человек подаренное ему отдает в дар другим, те – третьим, так что вещь порой проходит через много рук? Но их смысл легко понять, если провести аналогию с современными обычаями дарить друг другу подарки на дни рождения или какие-то важные семейные события. Рассуждая рационально, современным людям нет смысла дарить и получать, в свою очередь, в подарок вещи примерно одной и той же стоимости (и тем более дарить друг другу деньги). Никакой особой выгоды от этого нет. Но жить так интереснее. И сегодня, как и в первобытности, также существует примерное равенство ценности подарков, обиды, если человек не отдаривает, доходящие до разрыва отношений и т. п. Чем чаще человек любит ходить в гости и приглашать к себе гостей, тем интенсивнее его «подарочно-отдарочная» деятельность.

Обычаи дарообмена оказались весьма удобными для самых разных случаев. Где-то они являлись способом связи разобщенных общин, которые получали возможность пользоваться ресурсами друг друга. Там, где существовала специализация (например, у одних коллективов были залежи охры, кремня или иных ценностей, а у других не было) такой дарообмен превращался, по сути, в меновую торговлю. При ее усложнении некоторые коллективы начинали играть роль посредников.

Постепенно роль дарообмена менялась. В более развитых и богатых обществах охотников-собирателей – **это один из способов уйти от принудительного распределения, изменить традиционный путь движения благ**. Постепенно возникают своего рода цепочки личных связей между людьми. Число участников таких обменных цепей иногда составляет многие десятки человек.

⁵⁰ Там же. С. 152.

По ним различные престижные блага переходят из рук в руки в виде даров и отдаров. Чем больше у человека партнеров по дарообмену, тем выше его престиж, тем фактически он богаче, поскольку через него проходит много благ. Это нечто вроде того, как у коммерсанта деньги постоянно «крутятся», находясь в обороте.

Таким образом, по-видимому, человек не накапливает богатство, но фактически находит возможность выделиться из общей массы, реализовать свои физические и умственные возможности, повысить статус, а также – хотя и не в прямой пропорции – увеличить объем потребляемых благ по сравнению с другими.

Дарообмен, престижные пиры, раздачи накопленного и т. п. обычаи в целом получили названия престижной экономики. «Престижная экономика в зачаточном состоянии возникла еще у низших охотников и собирателей, но ее расцвет пришелся на неолитический период»⁵¹. Интересно, что при ее развитии появляется уже и первичная система учета даров и отдаров, какие-то эквиваленты оценки подаренного, то есть значительные элементы торговли. «Престижная экономика, требовавшая точного подсчета «долгов» и «даров», по-видимому, существенно повлияла на развитие системы счета»⁵².

Многие исследователи отмечают, что «престижная экономика существовала только в системе избыточного продукта», а дарообмен «зародился только в конце эпохи раннепервобытной общины, но получил развитие лишь в последующую эпоху в связи с появлением избыточного продукта...»⁵³.

Возможно, там, где не было достаточного количества престижных вещей, роль главного богатства начинают играть женщины и дети. Право на детей – это право на дополнительные блага и престиж за счет установления новых связей через помолвку, брак и получения «брачной ренты».

⁵¹ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 348.

⁵² Там же. С. 309.

⁵³ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982. С. 141.

Многоженство в известной мере можно рассматривать как вариант престижного хозяйства, там, где обмен возможен только в такой форме: чем больше жен и детей, тем «богаче» человек. Отсюда усиление в некоторых обществах низших охотников и собирателей полового неравенства, более характерного не для присваивающей экономики, а для производящей в начальный период.

5. 6. 3. Разрешение основного противоречия

Прежде всего стоит заметить, что не так много обществ были способны к радикальному разрешению основного противоречия. А у тех, кто мог это сделать, как уже говорилось в прошлой главе, было два пути. Наиболее эволюционно перспективным из них был переход к земледелию и скотоводству. Однако нередкими были случаи разрешения его в рамках присваивающего хозяйства, когда обладание очень благоприятными угодьями позволяло иметь большой и стабильный излишек благ и накапливать богатства. Такими были многие собиратели урожая или высшие охотники, общества которых могут и перерасти обычный для первой формации уровень развития. Для них также характерны гораздо более крупные общины, чем для низших охотников-собирателей, иногда в тысячи человек. Об этих обществах, в частности о тлинкитах, уже шла речь в прошлой главе.

Очень интересным примером служат некоторые племена индейцев Калифорнии (юрок, хупа, карок). Занимаясь собирательством желудей, они достигли значительного имущественного расслоения. «Богатство накапливалось в форме связок зубчатых раковин, приобретенных в порядке торгового обмена на севере. Накопление перламутровых раковин... было первейшей целью каждого члена племени, и его статус находился в прямой зависимости от количества имеющихся у него раковин. Пожизненный статус ребенка определялся количеством раковин, которые были уплачены за его мать в качестве свадебного выкупа... Каждый поступок, хороший или плохой, имел свою твердую «таксу», выраженную количеством раковин: ими платили за все —

начиная от нескольких связок раковин за убийство до нескольких раковин за упоминание имени умершего в присутствии членов его семьи»⁵⁴.

Можно выделить следующие направления разрешения основного противоречия в конце первой формации:

– Все большие возможности накопления и циркуляции благ. Это вело к росту роли престижной экономики, обмена и специализации в хозяйственной жизни в целом. Помимо индивидуального богатства, кое-где росло и общее (всякого рода сооружения, общие запасы и т. п.).

– Повышение престижа за счет накопления богатства. Усложнение социальной дифференциации общества в связи с различной возможностью участвовать в престижной экономике.

– Все более важная роль посемейного производства и распределения. Распределение пищи стало происходить в основном в пределах домохозяйства. Так было у многих высших охотников, собирателей и рыболовов⁵⁵.

– Увеличение срока владения богатством. Если раньше оно раздаривалось очень быстро, то теперь люди могли обладать накопленным богатством до того, как раздать его, годами, порой десятилетиями, а то и до конца жизни.

– Развитие личной собственности, которая становилась важным инструментом обеспечения накопления, приобретения статусов и прочего. Некоторые новые виды ресурсов или орудий труда легко интегрировались именно таким способом, причем даже не в самых развитых обществах. Любопытным примером являются тасманийцы. Они не знали собак до европейцев, но в короткий срок сумели оценить их достоинства. Собака стала источником перемен не только в приемах охоты, но и в быту. «Многие собаки находились в *личной собственности* мужчин или женщин; у одного человека могло быть *от одной до двенадцати со-*

⁵⁴ Североамериканские индейцы. М.: Прогресс, 1978. С. 294.

⁵⁵ См.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 204.

бак, очень редко – больше»⁵⁶. Аналогичным по типу, но приведшим к гораздо большим переменам в образе жизни, было использование индейцами Северной Америки лошадей.

– Появление хотя и очень ограниченной возможности передавать часть накопленного (обычно окружным и сложным путем) своим родственникам и детям после смерти. Так, у некоторых высших охотников, в частности у медных эскимосов, наиболее ценные вещи, оставленные на могиле покойного, через некоторое время забирались его родственниками. У ряда других групп канадских эскимосов вместо хороших с покойным клали или плохие (сломанные) вещи, или их модели⁵⁷.

– Начало войн и рабства. Войны шли иногда за особо ценные территории. Но войны характерны уже для обществ присваивающего хозяйства, которые имеют соседей-земледельцев.

Но, конечно, в отдельных коллективах обычно реализовывались не все эти направления, а их часть.

В шестом этапе первой формации могли начинаться катаклизмы, характерные для конца формации вообще. «О том, что приспособление первобытной культуры к новым условиям обитания имело определенные трудности, свидетельствует запустение ряда районов Европы, а также некоторое уменьшение населения и понижение средней продолжительности жизни у людей Восточного Средиземноморья в начале голоцена (то есть в период перехода там к земледелию. – *Л. Г.*). Этот весьма болезненный процесс приспособления человеческого общества происходил на протяжении мезолита...»⁵⁸

(Продолжение следует)

⁵⁶ Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975. С. 123 (курсив мой. – *Л. Г.*).

⁵⁷ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 208.

⁵⁸ См. там же С. 239.